

К 100-летию со дня рождения А. Блока

ПОЭТ И РЕВОЛЮЦИЯ

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ЮБИЛЕЮ

В Москве, в Третьяковке, в самый канун XX века молодой Александр Блок увидел картину Васнецова «Гамаюн, птица вещая». Его поразили образ сказочной птицы-вещуньи с человеческим лицом. Так родились строчки:

**...Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью.**

Прошли годы. И вещей, пророческий дар раскрылся в самом поэте. Он будто услышал «подземный гул истории» и вышел навстречу ее ветрам. Сквозь сгустившуюся мглу страшного мира поэт разглядел «огненные дали» истории и предсказал своей Родине «неслыханные перемены, невиданные мятежи». Первый среди поэтов своего времени этот тончайший лирик, вдохновенный певец Незнакомки не только почувствовал неодолимость революционной грозы, но и воспел ее героиню и всемирную мощь в бессмертной поэме «Двенадцать».

Творческая судьба Александра Блока на первый взгляд поражает своей неожиданностью. В самом деле, и воспитание в «благуханной тиши» шахматовской усадьбы, отгороженной от всего грубого и жестокого, что было в жизни, и эстетико-символистская среда, окружавшая поэта, с ее мистической атмосферой и каustовой замкнутостью могли лишь отдалить, а не приблизить его к революционной действительности.

Однако ничего случайного не было в судьбе Блока. Необычайная чуткость к пульсу времени, к мощному движению истории, сознание причастности художника к этому движению и — отсюда — его ответственности — вот что помогло поэту освободиться от плена мистических химер и фантазий. Еще в молодые годы Блок записал: «Высший расцвет поэзии: поэт нашел себя и, вместе, попал в свою эпоху». Трудным и сложным оказалось это слияние со временем, вхождение в свой век и одновременно — дви-

жение к творческому расцвету. Как верно заметил А. Твардовский, это была жизнь, полная «огромного внутреннего напряжения, бесстрашия, всегдашнего непокоя, самоотвержения и труда, какие только и делают великих поэтов...»

Многие из поколения Блока были заморожены сладкой музыкой его песнопений, обращенных к чистому идеалу любви, красоты, молодости — образу Прекрасной Дамы. В мистически-условные одежды молодой поэт облек и свою юношескую любовь, и стремление к свету и благу, и порывы к преображению жизни. Возвышенность и искренность молений о любви, безмерная сила любовных восторгов, к которым причастны и земля, и небо, и звезды, благоговейное отношение к женщине покоряют в первой книге Блока и поныне. И, однако, как еще далеки от земных тревог и страстей устремленные в неземное образы этой книги, ее «сны и туманы». Лишь какие-то смутные, неясные отголоски времени, неясные предчувствия перемен проникают в этот сказочный мир с его воздушными замками.

Современная поэту декадентская критика, позднее — зарубежное буржуазное литературоведение создали своего рода легенду о Блоке, искажающую облик великого поэта. Блок объявлялся в ней отрешенным от жизни певцом Прекрасной Дамы, глубочайшим и последовательным мистиком. Трудно сказать, чего было больше в подобных рассуждениях — слепоты или злонамеренности. Ведь только игнорируя реальное содержание поэзии Блока, можно было не увидеть, что объективная правда революции вдохновляла и направляла поэта. Да, именно на эпоху революций приходились и наиболее важные, крутые, переломные этапы его развития и наивысшие взлеты его творческого гения.

Первый из таких решительных жизненных и душевных переломов поэт пережил в

1905 году. В этот грозный год В. И. Ленин писал: «Лозунг геройского петербургского пролетариата «Смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России». Для Александра Блока это была, по его словам, пора «второго крещения». Его охватывают взволнованность, жажда действия: «Хочу действительности, чувствую, что близится опять огонь, что жизнь не ждет... Старое рушится... Какое важное время! Великое время! Радостно!» Так писал Блок 25 июля 1905 года.

Когда первая русская революция омыла самодовольные лица сытых, поэт заклеил их презрением и бросил им в лицо гневные и резкие слова о «прогнившем хлеве» старой жизни («Сытые»). В другом стихотворении («Митинг») он нарисовал портрет оратора, политического трибуна

1905 года, как бы внутренним взором увидел его, только что вернувшегося из ссылки, насущного на себе тень рудников и казематов, запечатлел и страшную сцену его убийства из-за угла рукой провокатора.

Много лет спустя Блок писал декадентской поэтессе З. Гиппиус: «Нас разделил не только 1917 год, но даже 1905». Да, уже в 1905 году Блоку было не по пути с такими, как Мережковский или Гиппиус, со всеми, кто тянул его назад, в болото религиозной мистики.

При всей романтичности и субъективности блоковского восприятия революции ее воздействие на поэта было громадным. Революция обновила его мысли и чувства, открыла новые источники вдохновения. Революция позволила поэту

увидеть в народе и главную движущую силу истории, и неисчерпаемый источник всякой жизненной силы вообще, в том числе и творческой силы поэта.

Блок в эти годы следует принципу: «Если не жить современностью — нельзя писать». О своем размежевании с декадансом, с его установками так называемого «чистого эстетизма» поэт говорит резко и прямо: «Я боюсь каких бы то ни было проявлений искусства для искусства», потому что такая тенденция противоречит самой сущности искусства... оно ведь рождается из вечного взаимодействия двух музык — музыки творческой личности и музыки, которая звучит в глубине народной души, души массы...».

Путь поэта после 1905 года — это путь навстречу жизни. Длинная жизнь с ее скорбями и радостями, восторг узнавания жизни, жажда вобрать в себя всю полноту бытия — все это торжественно и полнозвучно отозвалось в поэзии Блока:

**О, весна, без конца
и без краю —
Без конца и без краю
мечта!
Узнаю тебя, жизнь!
Принимаю!
И приветвую
звоном щита!**

Блок отрицает и отвергает жизнь в «голодной и больной неволе», где богатый «зол и рад», а бедный унижен, где мытарствует человеческая душа, где торгуют жизнью, любовью, красотой. Гражданская совесть поэта потрясена; бесстрашие искренности, ненависть к фальши, лжи, жестокости, цинизму, гнев и воодушевление пронизывают строчки его стихов из цикла «Ямбы», «Страшный мир».

Знаменательно, что ни к кому другому, а к русскому рабочему обращает Блок свои мятежные призывы:

**Эй, встань, и загорись и жги!
Эй, подними свой верный
молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать
ни зги!..**

Блок сказал о себе знаменательные слова: «Путь среди революций; верный путь». Это не значит, однако, что его путь был прямым, ровным. Нет, великий русский поэт начала века был конфликтен и драматичен как сама жизнь. Он создал лирическую поэзию, в которой «нежнейшие и интимнейшие движения души поэта», беспредельно искренняя исповедь души

пронизаны бушующей вокруг бурей века, волнениями и скорбями мира. «Когда в воздухе собирается гроза, то великие поэты чувствуют эту грозу», — утверждал Блок. Ощущение надвигающейся грозы, все бури и катастрофы эпохи, все надежды и порывы его современников прошли через сердце поэта и вылились в его стихах:

**Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла**

— так звучало его напутствие собственным песням. Сквозь все их символы, метафоры, сюжеты видятся нам «испепеляющие годы» кануна Октября, Россия, накопившая, по словам поэта, такой заряд революционной энергии, с которым никакой громоствод не сладит.

Стихи Блока о России с наибольшей отчетливостью отражают его путь к революции. В этих стихах гениально передано блоковское ощущение «России — бури» не только в содержании, но и в образности, поэтике. Ветер, выги, грозы, бури — все это буйство стихийных, природных сил придает динамичности и неуверенности блоковскому образу Родины.

600 лет минуло нынче со дня Куликовской битвы, этого, по словам А. Блока, «символического события» русской истории. Примерно 70 лет прошло со времени создания Блоком его поистине гениального, пророческого цикла стихов «На поле Куликовом». В нем — и прошлое, и настоящее, и будущее России. Из глухих лет реакции поэт разглядел зарево пожара, «начала высокие и мятежных дней».

**И вечный бой! Покой нам
только снится
Сквозь кровь и пыль...**

Когда же Октябрьская революция свершилась, Александр Блок пережил высочайший в своей творческой жизни подъем духа. «Он ходил молодой, веселый, бодрый, сияющими глазами...», — вспоминает один из близких

ему людей. Их было очень немного тогда — представителей столичной художественной интеллигенции, откликнувшихся на приглашение ВЦИКа участвовать в заседании в Смольном. А среди этих немногих — Маяковский и Блок. В те же дни прозвучал призыв Блока, обращенный к интеллигенции: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!». Не отказываясь ни от какого практического дела, считая, что «крылья у народа есть, а в умах и знаниях надо ему помочь» и в этом — долг интеллигенции, которая «может и обязана» работать с большевиками, Блок думает и о том, чтобы постичь «душу революции». Эта душа, по мысли поэта, прекрасна, ибо: «Мир и братство народов — вот знак, под которым проходит русская революция...».

Блок создавал поэму «Двенадцать» в дни, названные В. И. Лениным одним из критических периодов революции. В ленинских обращениях к революционному народу не раз возникал образ пожара революции, звучали призывы к организованности. Видимо, не случайно образ пылающего и освещающего путь всему человечеству пожара встает и в поэме Блока. В ней бушует ветер истории, как бы хоронящий все старое, отжившее, громко звучит музыка революции, заключающая в себе суть о рождении новой жизни, раздается державный шаг восставшего народа.

Лучшие наши поэты признавали воздействие поэмы «Двенадцать» на их творчество. Образы неудержимого вихря стихий, ветра истории как символы гигантского обновления мира входят в поэзию В. Брюсова, П. Тычины, В. Сосурова, В. Маяковского, Н. Тихонова и многих других советских поэтов. Эти образы живут в нашей поэзии и поныне.

И. АЛЬБЕРТ.
Доцент кафедры русской литературы Львовского университета им. Ивана Франко, кандидат филологических наук.

Во Львовской научной библиотеке им. В. Стефанька АН УССР открылась книжная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Александра Александровича Блока. Последний из величайших поэтов России старой, он стал первым великим русским поэтом новой Октябрьской эры. А. Блок вместе с М. Горьким и В. Маяковским выступил одним из зачинателей новой советской литературы.

Книги поэта ныне издаются огромными тиражами, они переведены на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран.

На выставке экспонируются прижизненные издания великого поэта, а также собрание сочинений в шести томах. М., 1980; Избранные произведения, Л., 1980; «Записные книжки: 1901—1920», М., 1965; «О Родине», М., 1945; «О назначении поэта», М., 1971 и другие.

Несомненный интерес для читателя представляют переводы произведений Блока на украинский язык. На выставке представлены высказывания о Блоке М. Горькова, В. Маяковского, В. Брюсова, К. Федина, А. Луначарского, М. Рыльского, а также монография Н. Вейгрова «Путь А. Блока», П. Громова «А. Блок: его предшественники и современники», К. Зелинского «На рубеже двух эпох: литературные встречи 1917—1920» и другие.

Е. КАНЧАЛАБА.
Старший библиотекарь Львовской научной библиотеки им. В. Стефанька АН УССР.